

Стеклянный город

1

Все началось с ночного телефонного звонка; после трех звонков голос в трубке позвал какого-то неизвестного ему человека. Много позже, задумавшись о том, что с ним произошло, он пришел к выводу, что все происшедшее — чистая случайность. Но это было много позже. Вначале же имелось лишь событие и его последствия, ничего больше. Не столь важно, могло ли все обернуться иначе, или все было предопределено с самого начала, с того момента, когда он услышал голос в трубке. Важен сам рассказ, а значит ли он что-нибудь или нет, судить читателю.

Про самого Квинна рассказывать особенно нечего. Кто он, откуда, чем занимался, большого значения не имеет. Мы знаем, например, что ему было тридцать пять лет. Знаем, что когда-то он был женат, был отцом, но и жена и сын погибли. Еще мы знаем, что он писал книги. Детективы. Писал под псевдонимом Уильям Уилсон, получалось примерно в год по книге, и гонораров ему хватало, чтобы скромно жить в маленькой нью-йоркской квартирке. Поскольку на один роман у него уходило никак не больше пяти-шести месяцев, остальные полгода он бездельничал. Много читал, ходил на выставки, в кино. Летом смотрел по телевизору бейсбол, зимой слушал оперу. Однако больше всего Квинн любил ходить пешком. Почти каждый день, в солнце и в дождь, в жару и в холод, он уходил из дому

и отправлялся без всякой определенной цели бродить по городу.

Нью-Йорк для него был неисчерпаемым пространством, нескончаемым лабиринтом, и, как бы далеко он ни заходил, как бы хорошо ни знал расположение кварталов и улиц, его не покидало ощущение, что он заблудился. Причем не только в городе, но и в самом себе. Отправляясь на прогулку, Квинн каждый раз испытывал такое ощущение, будто себя он с собой не берет; целиком доверяясь направлению улиц, уменьшаясь до всевидящего ока, он мог не думать и от этого более, чем от чего-нибудь еще, обретал покой, целительную пустоту в душе. Мир располагался вне его, вокруг него, перед ним, и скорость, с которой этот мир менялся, не позволяла ему сосредоточить внимание на чем-то в отдельности. Главное было движение, процесс, когда одна нога ставится перед другой, когда передвигаешься в фарватере собственного тела. От бесцельного хождения все улицы становились одинаковыми; где он в данный момент находился, значения уже не имело. Когда прогулка особенно удавалась, у него появлялось чувство неприкаянности. К этому, собственно, он и стремился — стать неприкайным, погрузиться в вакуум. Нью-Йорк и был тем вакуумом, которым он себя окружил, и покидать этот город у него не было никакого желания.

В прошлом Квинн был более честолюбив. В молодости он издал несколько сборников стихов, писал пьесы, критические статьи, много переводил. Но в какой-то момент все это бросил. Какая-то частица его умерла (объяснил он друзьям), и ему не хотелось, чтобы частица эта, возродившись, его преследовала. Тогда-то он и взял себе псевдоним Уильям Уилсон, в результате чего перестал быть автором своих книг, и, хотя во многих отношениях продолжал существовать, существовал он только для себя самого.

Писать, впрочем, Квинн не прекратил, ведь ничего другого он не умел. Детективы были выходом из положения. Придумывать сложную, замысловатую интригу ему не составляло труда, и он писал хорошо, часто вопреки самому себе, так, словно это не требовало от него ровным счетом никаких усилий. Поскольку себя Квинн автором своих произведений не считал, никакой ответственности за них, в том числе и перед самим собой, он не нес. Ведь Уильям Уилсон был фигурой вымышленной и, хотя порожден был Квинном, вел теперь жизнь совершенно самостоятельную. Квинн относился к нему с уважением, иногда даже с восхищением, но и помыслить не мог, что он и Уильям Уилсон — одно и то же лицо. Потому-то он и скрывался под маской своего псевдонима. Литературный агент у него был, однако не встречались они ни разу, предпочитая переписываться, для чего Квинн приобрел на почте абонентный ящик. Не имел он личных контактов и с издателем, который выплачивал Квинну гонорары исключительно через агента. Ни в одной книге Уильяма Уилсона не было ни фотографии автора, ни биографической справки о нем. Имя Уильяма Уилсона отсутствовало в писательских справочниках, он не давал интервью, а на адресованные ему письма отвечала секретарша его литературного агента. Насколько Квинн мог судить, в его тайну не проник никто. Друзья, узнав, что он перестал писать, первое время интересовались, на что он собирается жить, и Квинн отвечал всем одно и то же: на оставшееся от жены наследство. На самом же деле у его жены никогда не было ни цента. Да и друзей у него не осталось тоже.

Так Квинн жил уже шестой год. О сыне он теперь вспоминал не так часто, как раньше, и совсем недавно снял со стены фотографию жены. Время от времени он вдруг ощущал, что значит держать на руках трехлетнего мальчугана,

но это было лишь ощущение, никак не воспоминание. Чисто физическое ощущение, отпечаток, который оставило прошлое, и чувство это было ему неподотчетно.

Такое, впрочем, происходило с ним все реже, и ему начинало казаться, что наметились перемены к лучшему. Он больше не хотел умереть. В то же время нельзя сказать, чтобы он радовался жизни. Но, по крайней мере, она не была ему ненавистна. Он жил, и этот упрямый факт понемногу стал увлекать его — как будто ему удалось пережить самого себя, как будто у него началась загробная жизнь. Он больше не засыпал при электрическом свете и уже много месяцев забывал все, что ему снилось.

Была ночь. Квинн лежал в постели, курил сигарету и слушал, как по оконному стеклу стучит дождь. «Интересно, когда он кончится? — раздумывал он. — Не гулять же утром под дождем». На подушке рядом с ним лежала обложкой вверх раскрытая «Книга о разнообразии мира» Марко Поло. Две недели назад он закончил очередной роман Уильяма Уилсона и теперь бездельничал. Его частный сыщик Макс Уорк, от лица которого велось повествование, раскрыл целую серию тяжких преступлений, прошел через нечеловеческие испытания, был неоднократно бит, несколько раз едва избежал смерти, и Квинна его подвиги несколько утомили. За эти годы Уорк и Квинн сблизились. В отличие от Уильяма Уилсона, который оставался для Квинна абстракцией, Уорк с каждой следующей книгой обретал плоть и кровь. В этой триаде Уилсон был своего рода чревовещателем, сам Квинн — объектом, а Уорк — исходящим из «чрева» голосом, ради которого все и затевалось. Если Уилсон и был иллюзией, он тем не менее оправдывал существование Квинна и Уорка. Если Уилсон и не существовал, он тем не менее был мостом, который соединял Квинна с Уорком.

И мало-помалу Уорк вошел в жизнь Квинна, стал для него кем-то вроде брата, товарища по одиночеству.

Квинн взял Марко Поло и снова перечитал первую страницу. «А чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда». И вот, стоило Квинну задуматься над смыслом этих фраз, попытаться по достоинству оценить отточенные аргументы автора, как зазвонил телефон. Много позже, восстанавливая события той ночи, он вспомнит, что посмотрел на часы, увидел, что было начало первого, и удивился: кому это взбрело в голову звонить в столь поздний час? «Что-то случилось, не иначе», — подумал он, встал с постели, подошел, как был голый, к телефону и поднял трубку после второго звонка.

— Да?

На другом конце провода молчали, и Квинн решил, что звонивший повесил трубку. Затем, словно откуда-то издалека, донесся голос, странный голос — такой ему еще ни разу в жизни слышать не приходилось. Металлический — и вместе с тем наполненный чувством. Едва слышный — и в то же время совершенно отчетливый. В результате он не смог даже определить, кто звонит: мужчина или женщина.

— Алло? — послышалось в трубке.

— Кто это? — спросил Квинн.

— Алло? — переспросили в трубке.

— Слушаю, — сказал Квинн. — С кем я говорю?

— Это Пол Остер? — спросил голос. — Мне бы хотелось поговорить с мистером Полом Остером.

— Здесь таких нет.

— Мне нужен Пол Остер. Из детективного бюро Остера.

— Простите, — сказал Квинн. — Вы, должно быть, ошиблись номером.

— Я звоню по очень срочному делу, — сказал голос.

— Ничем не могу вам помочь, — сказал Квинн. — Здесь никакого Пола Остера нет.

— Поймите, — сказал голос, — на счету сейчас каждая минута.

— Наберите еще раз. Это не детективное бюро.

Квинн положил трубку. Он стоял на холодном полу и разглядывал свои ноги, колени, свой дряблый член. На какую-то долю секунды он пожалел, что был так резок. Можно было бы немного поговорить со звонившим, разузнать, что случилось, быть может, даже чем-то помочь. «Надо научиться лучше соображать стоя», — сказал он себе.

Как и большинство людей, Квинн в преступлениях почти ничего не смыслил. Он никогда никого не убивал, ни у кого ничего не украл и не был знаком ни с одним убийцей или вором. Ни разу не был в полицейском участке, никогда не встречался с частным сыщиком, никогда не разговаривал с преступником. Если что-нибудь Квинн про все это и знал, то только из книг, фильмов и газет. И тем не менее он вовсе не считал это помехой. В книгах, которые он писал, его интересовало не то, как они соотносятся с реальностью, а то, как они соотносятся с другими книгами. Квинн любил детективы еще до того, как стал Уильямом Уилсоном. Да, он отдавал себе отчет в том, что абсолютное большинство детективных романов плохо написаны и не выдерживают никакой критики, и все же ему этот жанр нравился, и не было ни одного, даже самого беспомощного детективного романа, который бы он не прочел до конца. Притом что к другим жанрам Квинн был придирчив, иногда до мелочности, детективы он глотал почти без

разбора. Когда он бывал в настроении, ему ничего не стоило прочесть по десять-двенадцать детективов подряд. Его охватывал своего рода голод, тяга к особой литературной пище, и он не останавливался, пока не съедал всю порцию до конца.

Эти книги он любил за их насыщенность и четкость. В хорошем детективном романе всему ведется строгий учет, нет ни одного лишнего предложения, непродуманного слова. А если какое-то слово и лишено смысла, оно в любой момент может этот смысл обрести. Мир такой книги оживает, он таит в себе безграничные возможности, загадки, противоречия. А поскольку все увиденное или сказанное, даже вскользь, даже на ветер, может повлиять на развязку, пренебрегать нельзя ничем, ни единым словом. В таких книгах значимо все, центр смещается в результате каждого события, находится в постоянном движении, он — всюду, и окружность вокруг него можно провести не раньше, чем книга подошла к концу.

Сыщик — это тот, кто вглядывается, вслушивается, продирается сквозь непролазную трясину улики и событий в поисках мысли, идеи, которая сведет воедино все эти улики и события, придаст им смысл. По сути, автор и сыщик неразделимы. Ведь читатель видит мир глазами сыщика, ощущает, словно впервые в жизни, как перед ним открываются новые горизонты. Он вдруг начинает замечать находящиеся вокруг предметы, как если бы они заговорили с ним, как если бы, вглядевшись повнимательнее, он обнаружил в них некий высший смысл. Детектив. Сыщик. Соглядатай. Для Квинна в этом последнем слове заложен был тройной смысл. В нем имелась не только буква «я», но и «Я»: крошечный росток жизни, запрятанный в теле живого организма. Не случайно слово это «глядело» — оно олицетворяло собой взгляд писателя, взгляд человека, ко-

торый смотрит на мир и требует, чтобы мир перед ним раскрылся. Уже пять лет Квинн жил под впечатлением этого каламбура.

Он, разумеется, уже давно перестал относиться к себе как к реально существующему человеку. Если он и существовал, то лишь опосредованно, в образе своего вымышленного персонажа Макса Уорка. Его сыщик не мог не быть реальным лицом — таково было требование жанра. Если Квинн мог позволить себе исчезнуть, раствориться в своем причудливом и замкнутом мире, то Уорк продолжал жить в мире других, и чем глубже Квинн погружался в небытие, тем отчетливее ощущалось присутствие Уорка. В то время как Квинн все чаще ощущал свою недееспособность, Уорк, напротив, демонстрировал агрессивность, находчивость, чувствовал себя как дома, где бы он ни находился. Ко всему, что доставляло Квинну столько хлопот, Уорк относился спустя рукава, по жизни он шел с беспечностью и равнодушием, которым его создатель мог только позавидовать. Нельзя сказать, чтобы Квинну так уж хотелось быть Уорком или хотя бы на него походить, но, когда он писал свои книги, ему было приятно притворяться Уорком, сознавать, что, стоит ему только захотеть, и он может, пусть лишь в своем воображении, стать Уорком.

В ту ночь, засыпая, Квинн попытался представить себе, как бы на его месте повел себя Уорк. Ему приснился сон (который он потом забыл): он стоит в пустой комнате и стреляет из пистолета в голую белую стену.

На следующий вечер звонок застал Квинна врасплох. Он решил, что инцидент исчерпан, и не рассчитывал, что незнакомец позвонит снова. Когда раздался телефонный звонок, Квинн сидел в уборной и испражнялся. На этот раз позвонили немного позже, чем накануне, где-то без десяти,

без двенадцати час. Квинн как раз дошел до главы, в которой рассказывалось о путешествии Марко Поло из Пекина в Амой, и, когда он сидел в своей крохотной уборной, книга лежала раскрытой у него на коленях. Телефонный звонок пришелся как нельзя более некстати. Чтобы успеть снять трубку, надо было бежать к телефону не подтеревшись, а разгуливать по квартире в таком виде Квинну было неприятно. С другой стороны, если бы он закончил процедуру без спешки, то к телефону бы не успел. И тем не менее прерывать «процесс» ему не хотелось. Телефон не относился к его любимым вещам, и он несколько раз собирался от него избавиться. Квинн считал телефон тираном и за это особенно его не любил. Телефон не только имел над ним власть, но и беззастенчиво этой властью пользовался, отрывал от дел, так что на этот раз Квинн решил оказать ему сопротивление. После третьего звонка кишечник очистился. После четвертого Квинн подтерся. Когда же раздался пятый звонок, он натянул брюки, вышел из уборной и не торопясь пересек комнату. Трубку он снял после шестого звонка, однако услышал короткие гудки — терпение у абонента иссякло.

На следующий вечер Квинн был наготове. Он лежал на кровати, листал «Спортивные новости» и ждал, когда незнакомец позвонит в третий раз. Время от времени, когда нервы не выдерживали, он вставал и начинал мерить шагами комнату. Поставил пластинку — оперу Гайдна *Il Mondo della Luna* — и прослушал ее от начала до конца. Он ждал и ждал. Только в половине третьего он решил наконец, что ждать больше смысла не имеет, и лег спать.

Квинн ждал звонка и на следующий день, и через день тоже. И вот, когда он счел, что ждать больше нечего, телефон зазвонил снова. Было это девятнадцатого мая. Дату он

запомнил, потому что в этот день была годовщина свадьбы его родителей (верней, была бы, если б его родители были живы); мать когда-то призналась, что зачат он был в первую брачную ночь, и это обстоятельство всегда представлялось ему очень трогательным, ведь теперь он знал день, с которого можно отсчитывать свое существование. Уже многие годы свой день рождения он тайком праздновал именно в этот день. На этот раз телефон зазвонил раньше, чем в предыдущие вечера, — не было еще одиннадцати, и Квинн решил, что звонит кто-то другой.

— Алло? — сказал он.

И вновь на другом конце провода промолчали. Квинн сразу понял, что это тот же самый человек.

— Алло? Чем я могу вам помочь?

— Да, — раздалось наконец в трубке. Тот же тихий металлический голос, то же отчаянье в голосе. — Да. Теперь это необходимо. И как можно скорее.

— Что необходимо?

— Поговорить. Прямо сейчас. Поговорить немедленно. Да.

— А с кем вы хотите поговорить?

— С вами. С Остером. С человеком по имени Пол Остер.

На этот раз Квинн не колебался ни секунды. Он знал, что надо делать, и теперь, когда время настало, сделал это не раздумывая.

— Я у телефона, — сказал он. — Остер слушает.

— Наконец-то. Наконец-то вы нашлись. — В голосе прозвучало облегчение, собеседник успокоился.

— Совершенно верно, — сказал Квинн. — Наконец-то. — Он выдержал паузу, чтобы его собеседник, да и он сам могли вдуматься в смысл этого слова. — Что я могу для вас сделать?

— Мне нужна помощь. Мне грозит опасность. Говорят, в таких делах вам нет равных.

— Смотря в каких. Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду смерть. Смерть и убийство.

— Это не совсем по моей части, — сказал Квинн. — Я людей не убиваю.

— Ясное дело. — В голосе прозвучало раздражение. — Тут все наоборот.

— Кто-то хочет убить вас?

— Да, убить меня. Совершенно верно. Меня собираются убить.

— И вы хотите, чтобы я защитил вас?

— Да, чтобы вы защитили меня. И нашли человека, который собирается меня убить.

— Вы не знаете, кто это?

— Нет, знаю. Конечно, знаю. Но я не знаю, где он.

— Поподробнее рассказать можете?

— Не сейчас. Не по телефону. Это очень опасно. Вы должны приехать.

— Давайте завтра?

— Хорошо. Завтра. Пораньше. Завтра утром.

— В десять утра?

— Хорошо. В десять. — Голос в трубке продиктовал адрес: Ист, 69-я стрит. — Не забудьте, мистер Остер. Вы должны прийти.

— Не беспокойтесь, — сказал Квинн. — Приду.

2

На следующее утро Квинн проснулся раньше обычного; так рано он не вставал уже несколько недель. Пока он пил кофе, мазал тост маслом и просматривал отчет о бейсболь-

ных матчах в газете («Метрополитенс» опять проиграл: два — один, из-за досадной ошибки в последнем иннинге), он никак не мог свыкнуться с мыслью, что сегодня утром у него деловая встреча. Само по себе словосочетание «деловая встреча» казалось ему странным. Собственно, деловая встреча была не у него, деловая встреча была у Пола Остера, а кто такой Пол Остер, Квинн понятия не имел.

И тем не менее он поймал себя на том, что вполне достоверно подражает человеку, который готовится выйти на улицу. Убрал со стола посуду, бросил газету на диван, пошел в ванную, принял душ, побрился, вернулся в спальню завернутый в два полотенца, открыл платяной шкаф и начал одеваться. С удивлением обнаружил, что потянулся к пиджаку и галстуку. Последний раз Квинн надевал галстук, собираясь на похороны жены и сына, и даже не помнил, есть ли у него галстук. Нет, вот он, висит среди останков его гардероба. Белую рубашку он забраковал как слишком официальную и выбрал серую в красную клетку, с серым галстуком. Одевался он в состоянии, близком к трансу.

Только взявшись за ручку двери, Квинн впервые заподозрил, что у него на уме. «Я, кажется, собираюсь на улицу, — сказал он себе. — Но если я ухожу, то, спрашивается, куда?» На этот вопрос у него не нашлось ответа и часом позже, когда он выходил из автобуса номер четыре на перекрестке 70-й стрит и Пятой авеню. По одну сторону от него находился парк, зеленевший под утренним солнцем, с резко очерченными, подвижными тенями; по другую — музей Фрика, белый и суровый, словно отданный во власть мертвым. В этот момент ему почему-то пришла на ум картина Вермеера «Солдат и смеющаяся женщина», и он попытался вспомнить выражение лица девушки, ее руку с чашкой, красную безликую спину солдата. Он мысленно

увидел висящую на стене синюю карту и льющийся в окно солнечный свет — сейчас он купался в таком же. Он шел. Пересекал улицу и двигался на восток. На Мэдисон-авеню Квинн повернул направо и один квартал шел на юг, затем повернул налево и тут только понял, где находится. «Кажется, пришел», — сказал он себе. Он приблизился к дому и остановился. Ему вдруг стало все равно. Он ощутил исключительное спокойствие, как будто все, что должно было с ним случиться, уже случилось. Открывая дверь с улицы, он дал себе последний совет: «Если все это действительно происходит, надо смотреть в оба».

Дверь в квартиру открыла женщина. Для Квинна это почему-то явилось полной неожиданностью, выбило его из колеи. Он почувствовал, что не поспевает за ходом событий. Не успел он свыкнуться с присутствием этой женщины, описать ее самому себе и составить о ней впечатление, а она уже говорила с ним, вынуждала его отвечать. Стало быть, уже в эти первые минуты он потерял над собой контроль. В дальнейшем, раздумывая обо всем происшедшем, он сумел восстановить в памяти встречу с этой женщиной. Но это была работа памяти, а он знал: вспоминающееся имеет обыкновение исказить вспоминаемое. А потому доверяться воспоминаниям нельзя.

Женщине было лет тридцать, самое большее — тридцать пять; ниже среднего роста; полновата — или пышнотела, можно и так сказать; темные волосы, темные глаза, выражение этих темных глаз одновременно и строгое, и чуть игривое. Черное платье и густо-красная помада.

— Мистер Остер? — Вежливая улыбочка. Вопросительный наклон головы.

— Совершенно верно, — ответил Квинн. — Пол Остер.

— А я — Вирджиния Стиллмен. Жена Питера. Он ждет вас с восьми часов.

— Мы договаривались на десять, — сказал Квинн и посмотрел на часы. Было ровно десять.

— Он себе места не находил, — пояснила женщина. — Я никогда не видела его таким. Никак не мог вас дождаться.

Она открыла дверь и пропустила Квинна внутрь. Стоило ему переступить порог квартиры, как у него потемнело в глазах, точно его хватили по голове. Он-то собирался взять на заметку все, что увидит, каждую мелочь, но такая работа оказалась ему в эти минуты не по силам. Квартира приобрела какие-то расплывчатые, неясные очертания. Да, он сознавал: она большая, комнат пять-шесть, не меньше; богато обставлена, много антиквариата, серебряные пепельницы, по стенам картины в старинных рамах. Но и только. Впечатление самое общее — а ведь находился он от этих вещей в самой непосредственной близости, разглядывал их собственными глазами.

Квинн обнаружил, что в полном одиночестве сидит на диване в гостиной. Только сейчас он вспомнил, что миссис Стиллмен велела ему подождать здесь, пока она приведет своего мужа. Сколько времени он так просидел, неизвестно. Минуту-две, не больше. С другой стороны, судя по солнечному свету, дело уже шло к полудню. Взглянуть на часы он не догадался. Над ним витал аромат духов Вирджинии Стиллмен, и он мысленно раздел ее. Потом он стал думать о том, что бы пришло в голову Максу Уорку, будь он здесь. Квинн решил закурить. Выпустил дым в потолок. Ему доставляло удовольствие смотреть, как дым колечками подымается в воздух, рассеивается и, попав в свет солнечного луча, сгущается вновь.

Кто-то вошел в комнату у него за спиной. Квинн встал с дивана и повернулся, ожидая увидеть миссис Стиллмен,

однако перед ним стоял одетый во все белое молодой человек с белокурыми, шелковистыми, как у ребенка, волосами. В этот момент Квинн вспомнил почему-то своего погибшего сына. Впрочем, эта ассоциация исчезла так же быстро, как и возникла.

Питер Стиллмен вошел в комнату и сел напротив Квинна в красное бархатное кресло. Направляясь к креслу, он не сказал ни слова, вообще никак на присутствие Квинна не отреагировал. Сам по себе процесс перемещения с одного места на другое поглощал, как видно, все его внимание; казалось, перестань молодой человек хоть на долю секунды думать о том, чем он занимается, и он не сможет сделать ни шагу. Квинн никогда не видел, чтобы человек двигался таким образом, и сразу сообразил, что по телефону говорил именно с ним. Тело Питера Стиллмена чем-то напоминало его голос: скованное, безжизненное, оно передвигалось то медленно, то быстро, было неповоротливым и в то же время выразительным, как будто движения молодого человека были бесконтрольны, как будто действовало его тело по собственному разумению, а не по воле того, кому принадлежит. Казалось, Стиллмен долгое время был обездвижен и всеми физическими навыками ему приходилось овладевать заново, отчего ходьба стала процессом сознательным, каждое движение словно бы дробилось на составляющие его «поддвижения» и, как следствие, были начисто утрачены плавность, естественность. Стиллмен смахивал на марионетку, которая пытается ходить самостоятельно.

Все на Питере Стиллмене было белым: белая рубашка с открытым воротом, белые брюки, белые туфли, белые носки. Мертвенно-бледное лицо и жидкие льняные волосы создавали впечатление прозрачности; казалось, видны даже сосуды под кожей. Прожилки были такого же цвета, как глаза; молочно-голубые, они словно сливались с небом

и облаками. О том, чтобы заговорить с этим человеком, нечего было и думать. Ощущение было такое, будто уже одним своим присутствием Стиллмен призывал хранить молчание.

Молодой человек медленно опустился в кресло и только тогда обратил на Квинна внимание. Когда глаза их встретились, Квинн вдруг почувствовал, что Стиллмен стал невидимкой. Он вроде и видел, что Стиллмен сидит напротив, и в то же время кресло словно бы пустовало. «Уж не слепой ли он?» — подумалось Квинну. Нет, непохоже. Молодой человек внимательно, даже испытующе смотрел на него, взгляд этот трудно было назвать осмысленным, однако некоторая живость в глазах ощущалась. Квинн не знал, что делать. Он сидел на диване и тупо пялился на Стиллмена. Прошло много времени.

— Никаких вопросов, пожалуйста, — подал наконец голос молодой человек. — Да. Нет. Спасибо. — Он помолчал. — Я Питер Стиллмен. Говорю это не по принуждению. Да. Это не настоящее мое имя. Нет. Конечно, соображаю я совсем не так, как следует. Но с этим ничего не поделаешь. Нет. Не поделаешь. Нет, нет. Уже ничего не поделаешь.

Вот вы сидите и думаете: кто это со мной говорит? Какие слова вылетают у него изо рта? Скажу вам. А захочу — и не скажу. Да и нет. Соображаю я совсем не так, как следует. Говорю это не по принуждению. Но я попробую. Да и нет. Попробую рассказать вам, даже если мне будет трудно. Спасибо.

Меня зовут Питер Стиллмен. Может быть, вы слышали обо мне, но, скорее всего, нет. Не важно. Это не настоящее мое имя. Мое настоящее имя я вспомнить не могу. Извините. Это значения не имеет. Теперь не имеет.

Это то, что называется речью. Это термин такой. Когда слова вылетают изо рта, поживут немного и умирают.

Странно, правда? У меня на этот счет мнения нет. Нет, и все тут. И все же есть слова, без которых не обойтись. Много слов. Много миллионов. Может, всего три-четыре. Простите. Но сегодня я молодец. Гораздо лучше, чем обычно. Если я смогу дать вам слова, без которых не обойтись, это будет великая победа. Спасибо. Миллион раз спасибо.

Когда-то давно были мама и папа. Я этого не помню. Говорят, мама умерла. Кто говорит, я сказать не могу. Простите меня. Но так говорят.

Значит, без мамы. Ха-ха. Такой сейчас у меня смех. У меня в животе урчит: р-р-р. Ха-ха-ха. Большой папа сказал: без разницы. Мне. В смысле, ему. Большой папа — большой кулак, и бум-бум-бум. Сейчас вопросов не задавайте, пожалуйста.

Я говорю то, что говорят другие, потому что я ничего не знаю. Я всего лишь бедный Питер Стиллмен, мальчик, который не умеет вспомнить. Хо-хо. Ду-ду. Дурачок-чок-чок. Простите меня. Говорят, говорят. А что говорит бедный маленький Питер? Ничего, ничего. Больше ничего.

Вот как было. Темно. Очень темно. Темней не бывает. Говорят, была комната. Как будто я могу об этом говорить. О темноте. Спасибо.

Темно-темно. Говорят, девять лет. Даже без окна. Бедный Питер Стиллмен. И бум-бум-бум. Кучи кашашек. Море пипишек. Не в себе. Простите. Молчу и дрожу. Простите. Уже нет.

Темень, значит. Говорю же. В темноте еда, да. Кашка — темно бедняжке. Ел руками. Простите. Это я про Питера. А если я Питер, тем лучше. То есть тем хуже. Простите. Я Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Спасибо.

Бедный Питер Стиллмен. Он был маленький мальчик. Своих слов — раз-два и обчелся. Были слова — и нет слов. Ни одного, ни одногошеньки. Больше ни одного.

Простите меня, мистер Остер. Я не хочу, чтобы вы грустили. Только, пожалуйста, никаких вопросов. Меня зовут Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Мое настоящее имя — мистер Грустли. А как вас зовут, мистер Остер? Может, это вы мистер Грустли, а я — никто.

Хо-хо. Простите меня. Как я плакал, как рыдал. Хнык-хнык. Бо-бо. Что делал Питер в этой комнате? Никто не может сказать. Некоторые помалкивают. А я-то думаю, что Питер не умел думать. Он рыдал? Он стонал? Он вонял? Ха-ха-ха. Простите меня. Иногда я такое сказану.

В-з-з-з. Г-у-у-у. Ч-х-х-х. Стук-стук-перестук. У-у-у-о-о-о-а-а-а. Иа-йа-йа. Простите. Никто, кроме меня, этих слов не понимает.

Еще не время, не время, не время. Так мне говорят. Слишком долго Питер был поврежден головкой. Больше это не повторится. Нет, нет, нет. Говорят, кто-то нашел меня. Я не помню. Нет, я не помню, что было, когда они открыли дверь и в комнату проник свет. Нет, нет, нет. Обо всем этом мне сказать нечего. Больше нечего.

Я долго носил темные очки. Мне было двенадцать. Так мне сказали. Я лежал в больнице. Понемногу меня научили, как быть Питером Стиллменом. Сказали: ты Питер Стиллмен. Я сказал спасибо. Иа-йа-йа. Спасибо вам, спасибо, сказал.

Питер был еще ребеночком. Его приходилось всему учить. Ходить и все такое. Кушать. Какать и писать в туалете. Мне даже понравилось. Даже когда я кусал их, они не делали мне бум-бум-бум. Потом я перестал даже рвать на себе одежду.

Питер был хорошим мальчиком. Но научить его говорить слова было трудно. Губы как-то не так шевелились. И потом, с головкой у него было не все в порядке. Он говорил: ба-ба-ба. И — да-да-да. И — ва-ва-ва. Простите меня.

Сколько лет на это убили. Теперь Питеру говорят: можешь идти, больше мы тебе ничем помочь не можем. Говорят: ты теперь человек, Питер Стиллмен. Хорошо верить докторам. Спасибо. Большое спасибо.

Я Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Мое настоящее имя Питер Кролик¹. Зимой я мистер Белик, летом мистер Зеленин. Подумай, что тебе нравится больше всего. Я говорю это не по принуждению. В-з-з-з. Г-у-у-у. Ч-х-х-х. Красиво, правда? Я такие слова все время составляю. Ничего не могу с собой поделывать. Вылетают изо рта, и все тут. Их не объяснишь.

Все спрашивают и спрашивают. Без толку. Но вам я скажу. Я не хочу, чтобы вы грустили, мистер Остер. У вас такое доброе лицо. Вы мне кого-то напоминаете. Кого-то или что-то, какой-то шум. И ваши глаза смотрят на меня. Да, да. Я вижу их. Это очень хорошо. Спасибо.

Поэтому я и говорю: пожалуйста, никаких вопросов. Вас интересует все остальное. То есть отец. Жестокий отец, который мучил маленького Питера. Ему обеспечен полный покой. Его уперли в темное местечко. И заперли там. Ха-ха-ха. Простите меня. Иногда я такое сказану.

Сказали, тринадцать лет. Должно быть, это долго. Но я ничего не знаю про время. Каждый день я рождаюсь заново. Я появляюсь на свет, когда просыпаюсь утром, за день состариваюсь, а вечером, когда ложусь спать, умираю. Это не моя вина. Сегодня я молодцом. Лучше, чем раньше.

Тринадцать лет отец не показывался. Его тоже зовут Питер Стиллмен. Странно, правда? Что у двух разных людей одно и то же имя. Не знаю, это настоящее его имя или нет. Но не думаю, что он — это я. Мы оба — Питер Стилл-

¹ Кролик Питер — персонаж детских книг английской писательницы Беатрикс Поттер (1866—1943), первая из которых, «История кролика Питера», вышла в 1902 г.

мен. Но Питер Стиллмен — это не настоящее мое имя. Поэтому, может быть, я все-таки не Питер Стиллмен.

Тринадцать лет, да. Так мне сказали. А не все ли равно? Я ничего не знаю про время. Но мне они говорят вот что. Завтра кончатся тринадцать лет. Это плохо. Хотя они говорят, ничего страшного, это плохо. Вообще-то я такие вещи помнить не должен. Но иногда все-таки вспоминаю.

Он придет. В смысле, отец придет. И попытается меня убить. Спасибо большое. Но я не хочу. Нет, нет. С меня хватит. Питер сейчас живет. Да. У него не все дома, но он живет. А это уже что-то, так ведь? Зуб даю. Ха-ха-ха.

Я сейчас прямо поэтом стал. Каждый день сижу у себя в комнате и сочиняю стихи. Все слова сам выдумываю, как когда в темноте сидел. Когда притворяюсь, что я опять взаперти, мне вспоминать легче. Что эти слова означают, никто, кроме меня, не знает. Их невозможно перевести. Эти стихи сделают меня знаменитым. Все будут от меня без ума. Иа-йа-йа. Красивые стихи. Такие красивые, что весь мир обрыдается.

Потом, возможно, я займусь чем-нибудь другим. Когда надоест быть поэтом. Слова ведь когда-то кончаются. У каждого человека в голове так много слов. И что же я буду делать потом? Мне бы хотелось быть пожарным. А после — врачом. Какая разница. Зато по проволоке ходить буду в последнюю очередь. Только в старости, когда научусь ходить не хуже других. Тогда я буду плясать на проволоке, да так, что люди рот разинут. Даже дети. Вот чего бы мне хотелось. Танцевать на проволоке до самой смерти.

Не важно. Какая разница. Мне — никакой. Вы же видите, я богатый человек. Мне волноваться нечего. Нет, нет. Не по этому поводу. Зуб даю. Отец был богатым, и маленькому Питеру, когда его заперли в темноте, достались все

его деньги. Ха-ха-ха. Простите, что смеюсь. Иногда я такое сказану.

Из Стиллменов я — последний. Когда-то, говорят, большая семья была. Из Бостона — может, слышали? Я — последний. Больше никого не осталось. За мной пусто, я замыкающий. Что ж, тем лучше. Будет не обидно, когда все это кончится. Лучше быть мертвым, чем живым.

Отец, может, был не так уж и плох. По крайней мере, мне сейчас так кажется. У него была большая голова. Большущая. Места внутри полно. А значит, и мыслей в этой голове было видимо-невидимо. Бедный Питер! Попал в переделку, а? Ничего не видно, ни сказать, ни сделать, ни подумать. Ничего-то этот Питер не может. Ничегошеньки.

Сам-то я ничего про все это не знаю. И не понимаю. Обо всем этом мне жена рассказывает. Говорит, что мне необходимо это знать, даже если я ничего понять не могу. Но я и этого тоже не понимаю. Чтобы знать, надо понимать. Нет, скажете? А я ничего не знаю. Может, я Питер Стиллмен, а может, и нет. Питер Никто — вот мое настоящее имя. Спасибо. А что вы обо всем этом думаете?

Я вам, значит, про отца рассказываю. Хорошая история, даже если я ее и не понимаю. Я могу вам ее рассказать, потому что знаю слова. А это уже кое-что, верно? В смысле, знать слова. Иногда я так горжусь собой. Простите. Вот что говорит моя жена. Она говорит, что отец рассуждал о Боге. Смешное такое слово. Бог-дог. Но ведь дог не похож на Бога, верно? Гав-гав. Вау-вау. Собачьи слова. Красивые. Лучше не придумашь. Не хуже моих слов.

Так вот, отец рассуждал о Боге. Хотел понять, есть ли у Бога свой язык. Не спрашивайте меня, что это значит. Я рассказываю только потому, что знаю слова. Отец думал, что младенец сможет заговорить, если не будет видеть людей. Но откуда взять младенца? Ага. Вы начинаете по-

нимать. Покупать его не пришлось. Конечно, кое-какие человеческие слова Питер знал. С этим ничего поделаться было нельзя. Но отец думал, что, может, Питер их забудет. Со временем. Вот почему было так много бум-бум-бум. Каждый раз, когда Питер произносил слово, отец делал ему бум-бум. Наконец Питер научился не говорить. Иа-йа-йа. Спасибо.

Питер молчал. Все эти дни, месяцы, годы. Маленький Питер сидел в темноте, одинешенек, и слова шумели у него в голове, отвлекали его. Вот почему у него плохо открывается ротик. Бедный Питер. У-у-у. Вот как он плачет. Маленький мальчик, который никогда не станет большим.

Сейчас Питер говорит, как все люди. Но у него в голове есть и другие слова. Это Божий язык, на нем, кроме него, никто говорить не умеет. Их не переведешь. Вот почему Питер живет так близко от Бога. Вот почему он известный поэт.

Сейчас у меня все хорошо. Могу делать все, что хочу. В любое время, в любом месте. У меня даже жена есть. Сами видите. Я уже упоминал о ней. Может быть, вы даже с ней познакомились. Красивая, правда? Ее зовут Вирджиния. Это не настоящее ее имя. Но это значения не имеет. Для меня.

По первому моему зову жена приводит мне девочек. Это шлюхи. Я вставляю в них свой червячок, и они стонут. Их было так много. Ха-ха. Они приходят сюда, и я их трахаю. Трахаться хорошо. Вирджиния им платит, и все довольны. Зуб даю. Ха-ха.

Бедная Вирджиния. Она трахаться не любит. В смысле, со мной. Может, она трахается с кем-то другим. Кто знает? Я ничего про это не знаю. Какая разница. Очень может быть, она даст и вам, если вы проявите к ней интерес. Я был бы счастлив. За вас. Спасибо.

Вот так. Столько разного происходит. Всего и не расскажешь. У меня не все дома, я знаю. Это верно, да, я говорю это без всякого принуждения: иногда я криком кричу. Без всякой причины. Как будто для этого нужна причина. Нет, я никакой причины не вижу. И все остальные тоже. Нет. А потом наступает время, когда я замолкаю. Молчу по многу дней подряд. Не говорю ничего. Ничего, ничего. Я забываю, что надо делать, чтобы изо рта вылетали слова. А потом мне становится трудно двигаться. Иа-йа. И даже смотреть. Тогда-то я и становлюсь мистером Грустли.

Мне по-прежнему хочется быть в темноте. Во всяком случае, иногда. Думаю, это идет мне на пользу. В темноте я говорю на Божьем языке, и никто меня не слышит. Не сердитесь, пожалуйста. Я ничего не могу с собой поделать.

Лучше всего, конечно, воздух. Да. И понемногу я выучился жить на воздухе. Воздух и свет, да, свет тоже, он освещает все вокруг, и я могу видеть то, что хочу. Свет и воздух, лучше их нет ничего. Простите меня. Воздух и свет. Да. Когда погода хорошая, я люблю сидеть у открытого окна. Иногда я выглядываю из окна и смотрю на то, что внизу. На улицу, на людей, на собак и машины, на кирпичный дом напротив. А бывает, я закрываю глаза и просто сижу у окна: ветерок обдувает лицо, в воздухе свет, свет всюду, и даже в закрытых глазах, весь мир красного цвета, красивого красного цвета, это солнечные лучи падают на меня, проникают в глаза.

Верно, выхожу я редко. Мне трудно, и я не всегда в себе уверен. Иногда я плачу. Не сердитесь на меня, пожалуйста. Я ничего не могу с собой поделать. Вирджиния говорит, что я не умею себя вести. Но иногда я ничего не могу с собой поделать, и плач сам собой вырывается из груди.

Но вот в парк я очень люблю ходить. Там деревья, воздух, свет. Как все это хорошо, правда ведь? Да. Понемно-

гу мне внутри себя становится лучше. Я сам это чувствую. Даже доктор Вышнеградский так считает. Я-то знаю, что я еще кукла. С этим уж ничего не поделаешь. Нет. Нет. Ничего. Но иногда я думаю, что когда-нибудь вырасту и стану человеком.

А пока я по-прежнему Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Я не могу сказать, кем буду завтра. Каждый день — новый, и каждый день я снова появляюсь на свет. Я везде вижу надежду, даже в темноте, и, когда я умру, я, может быть, стану Богом.

Слов очень-очень много. Но я вряд ли буду употреблять их все. Нет. Не сегодня. У меня устал рот, и я думаю, что мне пора идти. Конечно, я ничего не знаю про время. Но это не имеет значения. Для меня. Большое вам спасибо. Я знаю, вы спасете мне жизнь, мистер Остер. Я надеюсь на вас. Жизнь может продолжаться сколько угодно, вы же понимаете. Все остальное находится в комнате, с темнотой, с Божьим языком, с рыданиями. Я сделан из воздуха — красивая вещь, на которую падает свет. Может быть, вы это запомните. Я Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Большое вам спасибо.

3

Монолог закончился. Сколько он продолжался, Квинн не знал. Только сейчас, когда его собеседник замолчал, он вдруг обнаружил, что сидят они в темноте. По всей видимости, прошел целый день. В какой-то момент во время монолога Стиллмена в комнату заглянуло солнце, но Квинн этого не заметил. Теперь же он сидел, погруженный во мрак и молчание, такие непроницаемые, что у него кружилась голова. Прошло несколько минут. Квинн подумал,

что теперь настала очередь и ему что-то сказать, но до конца уверен он в этом не был. Слышно было, как тяжело дышит сидящий напротив Питер Стиллмен. В остальном же в комнате стояла мертвая тишина. Квинн не знал, как себя вести. Он рассмотрел несколько возможностей, но затем одну за другой их отбросил. Сидел на диване и ждал, что произойдет дальше.

Но вот молчание нарушил шуршащий звук: кто-то в чулках пересек комнату, шелкнул выключатель — и комната озарилась ярким светом. Квинн машинально повернул голову к источнику света и увидел, что слева от Питера рядом с настольной лампой стоит Вирджиния Стиллмен. Молодой человек тупо глядел в одну точку, словно спал с открытыми глазами. Миссис Стиллмен наклонилась к Питеру, положила руку ему на плечо и тихо произнесла на ухо:

— Пора, Питер. Миссис Сааведра ждет тебя.

Питер поднял на нее глаза и улыбнулся.

— Я сгораю от нетерпения, — сказал он.

Вирджиния Стиллмен ласково поцеловала мужа в щеку.

— Скажи мистеру Остеру до свидания, — сказала она.

Питер встал. А вернее, приступил к унылой, медленной процедуре высвобождения своего тела из объятий кресла. На каждом этапе этой процедуры происходили торможения, сбои, срывы, молодой человек то и дело застывал, что-то бормотал себе под нос, произносил слова, смысл которых Квинн расшифровать не мог.

Наконец Питер принял вертикальное положение. Он стоял перед своим креслом и с победоносным видом смотрел Квинну прямо в глаза. А затем улыбнулся — широко, без тени смущения.

— До свидания, — сказал он.

— До свидания, Питер, — сказал Квинн.

Питер неловко взмахнул рукой, а затем медленно повернулся и направился к двери. Шел он нетвердой походкой, клонясь то вправо, то влево, ноги у него то сплетались, то, наоборот, разъезжались в разные стороны. В дальнем конце комнаты в освещенном дверном проеме его уже поджидала женщина средних лет в белом халате медсестры. «Миссис Сааведра», — решил про себя Квинн. Он провожал Питера глазами до тех пор, пока молодой человек не скрылся за дверью.

Вирджиния Стиллмен села напротив Квинна в то же самое кресло, которое еще минуту назад занимал ее супруг.

— Я могла бы избавить вас от всего этого, — начала она, — но подумала, что будет лучше, если вы увидите его собственными глазами.

— Понимаю, — отозвался Квинн.

— Едва ли, — с горечью заметила Вирджиния. — Понять такое мудрено.

Квинн скривился в улыбке, а затем, набравшись смелости, сказал:

— Что я понимаю, а что нет, по-моему, не столь уж важно. Вы наняли меня, и чем скорее я приступлю к делу, тем лучше. Насколько я могу судить, оно не терпит отлагательств. Я вовсе не претендую на то, чтобы понять Питера, оценить, сколько всего вы перенесли. Моя задача — оказать вам помощь. Как говорится, хотите — берите, хотите — нет.

Квинн немного воодушевился. Что-то подсказывало ему, что тон им выбран правильный, и он вдруг испытал какое-то особое удовольствие, словно сумел переступить через себя самого.

— Вы правы, — согласилась Вирджиния Стиллмен. — Конечно же, вы правы.

Она помолчала, затем набрала полную грудь воздуха, однако продолжать не спешила, словно репетируя в уме

то, что ей предстоит сказать. Квинн заметил, как она судорожно стиснула подлокотники.

— Я готова согласиться, — нарушила наконец молчание она, — что Питера понять нелегко, особенно когда общаешься с ним впервые. Все это время я простояла в соседней комнате, слушая, что он вам рассказывал. Питер далеко не всегда говорит правду, что, впрочем, вовсе не значит, будто все вами услышанное — ложь.

— Вы хотите сказать, что чему-то из его рассказа следует верить, а чему-то нет.

— Совершенно верно.

— Ваши интимные отношения или их отсутствие меня несколько не заботят, миссис Стиллмен, — заметил Квинн. — Даже если Питер сказал правду, значения это не имеет. В моей работе случается всякое, и, если будешь торопиться с выводами, ничего не добьешься. Я привык не только выслушивать чужие тайны, но и держать язык за зубами. Если какой-то факт не имеет прямого отношения к делу, меня он не интересует.

Миссис Стиллмен покраснела.

— Я просто хотела, чтобы вы знали: слова Питера не соответствуют действительности.

Квинн пожал плечами, достал из пачки сигарету и закурил.

— Как бы то ни было, — сказал он, — это несущественно. Меня больше интересуют другие вещи, о которых говорил Питер. Они-то, насколько я могу понять, действительности соответствуют, и, если это так, мне хотелось бы узнать вашу точку зрения.

— Да, соответствуют. — Вирджиния Стиллмен разжала пальцы, которыми сжимала подлокотник, и подперла подбородок правой рукой. Задумалась. Олицетворение

честности. — Питер ведет себя как дитя, но то, что он говорит, — правда.

— Расскажите мне про его отца. То, что сочтете нужным.

— Отец Питера родом из Бостона. О бостонских Стиллменах вы слышали наверняка. В девятнадцатом веке выходцы из этой семьи были губернаторами штата, епископами англиканской церкви, послами, один представитель этого рода был даже президентом Гарварда. В то же время Стиллмены не брезговали и коммерцией: наживались на текстиле, судостроении, бог знает на чем. Подробности несущественны. Важно, чтобы вы имели представление о семье Стиллменов в целом.

Отец Питера, как и все Стиллмены, поступил в Гарвард, изучал там философию, историю религии и, по отзывам всех, кто его знал, студентом был блестящим. Защитив диссертацию о теологических толкованиях роли Нового Света в шестнадцатом — семнадцатом веках, он устроился на работу в религиозный отдел Колумбийского университета и вскоре после этого женился на матери Питера. О ней мне известно мало. Судя по фотографиям, которые попадались мне на глаза, она была очень хороша собой, при этом хрупка, болезненна, немного похожа на Питера: такие же водянисто-голубые глаза и прозрачная кожа. Когда через несколько лет после свадьбы родился Питер, Стиллмены жили в огромной квартире на Риверсайд-драйв. Стиллмен сделал блестящую академическую карьеру, диссертацию переработал в монографию — книга имела огромный успех — и в возрасте тридцати четырех — тридцати пяти лет получил «полного» профессора. Но тут умерла мать Питера. От чего — так и осталось загадкой. Сам Стиллмен утверждал, что скончалась жена во сне, однако нельзя было исключить и самоубийство. Как будто бы передозировка — доказать, впрочем, так ничего и не удалось. Поговаривали

даже, что Стиллмен убил жену, но это были лишь слухи, не более того. Вообще вся история прошла совершенно незаметно.

Питеру тогда было всего два года, и ребенок он был совершенно нормальный. После смерти жены Стиллмен, по-видимому, мало им занимался. Была нанята няня, которая полностью взяла Питера на себя. Затем, через несколько месяцев, Стиллмен ни с того ни с сего няню выгоняет. Я забыла ее имя — мисс Барбер, кажется; впоследствии она давала показания в суде. Как будто бы Стиллмен в один прекрасный день пришел домой и заявил, что впредь займется воспитанием Питера сам. Он послал в Колумбийский университет заявление об отставке, где писал, что уходит с работы, чтобы всецело посвятить себя сыну. В деньгах он не нуждался, поэтому уговорить его остаться не удалось.

После этого Стиллмен перестал появляться на людях. Жить он продолжал в той же самой квартире, однако на улицу выходил редко. Собственно говоря, никто толком не знает, что произошло. Возможно, он увлекся какими-то замечательными религиозными идеями, о которых писал. Как бы то ни было, Стиллмен помешался, начисто лишился рассудка. Подумайте сами: он посадил Питера в одной из комнат, заколотил окна и продержал его взаперти девять лет. Только представьте, мистер Остер. Девять лет. Все свое детство ребенок провел в кромешной тьме, в полном одиночестве; все его контакты с внешним миром сводились к тому, что отец время от времени его избивал. Я живу с результатами этого эксперимента и могу подтвердить, что ущерб Питеру нанесен чудовищный. Сегодня вам повезло — Питер был в форме. Чтобы вывести его из того состояния, в котором он находился, понадобилось тринадцать лет, и будь я проклята, если позволю кому-нибудь вновь причинить ему вред.

Миссис Стиллмен замолчала, чтобы перевести дух. Квинн вдруг почувствовал, что она на грани срыва: еще одно слово — и с ней начнется истерика. Ему следовало срочно что-то сказать, иначе разговор начинал терять смысл.

— Как Питера нашли? — спросил он.

Вирджиния тяжело вздохнула и посмотрела на Квинна в упор.

— Был пожар, — ответила она.

— Поджог?

— Никто не знает.

— А что думаете вы?

— Я думаю, что Стиллмен в это время находился у себя в кабинете. Там он вел записи своих экспериментов и, видимо, пришел к выводу, что замысел не удался. Это вовсе не значит, что он пожалел о том, что сделал, — просто почувствовал, что потерпел неудачу. В ту ночь он, вероятно, окончательно в себе разочаровался и решил сжечь компрометирующие его бумаги. Но пожар распространился на всю квартиру, и большая ее часть сгорела. По счастью, комната Питера находилась в другом конце длинного коридора, и его удалось спасти.

— А потом?

— А потом несколько месяцев тянулось расследование. Прямые улики отсутствовали — бумаги Стиллмена погибли в огне. С другой стороны, достаточно было взглянуть на Питера, на комнату, где отец держал его взаперти, на эти страшные доски, которыми были заколочены окна... Так что в конце концов следствию удалось докопаться до истины, и Стиллмена судили.

— И к чему присудили?

— Его признали невменяемым и положили на принудительное лечение.

— А Питер?

— Питер тоже попал в больницу. И выписался всего два года назад.

— Там вы с ним и познакомились?

— Да. В больнице.

— Каким образом?

— Я была его логопедом. Работала с Питером каждый день на протяжении пяти лет.

— Простите за любопытство, но как вышло, что вы поженились?

— Это долгая история.

— Я не тороплюсь.

— Не в этом дело. Боюсь, вы не поймете...

— Вы в этом уверены?

— Если в двух словах, то иного способа забрать Питера из больницы и дать ему возможность вести более или менее нормальную жизнь у меня не было.

— А стать его законным опекуном вы разве не могли?

— Это очень сложная процедура. К тому же тогда Питер был уже совершеннолетним.

— Получается, что вы пожертвовали собой?

— Не совсем так. До этого я уже была один раз замужем — неудачно. Рисковать еще раз мне не хотелось. А тут, по крайней мере, у меня появлялась цель в жизни.

— Правда, что Стиллмена должны скоро выпустить?

— Завтра. Завтра вечером его поезд приходит на Центральный вокзал.

— И вы боитесь, как бы старик не стал преследовать Питера? У вас дурное предчувствие или есть какие-то доказательства?

— И то и другое. Два года назад Стиллмена уже собирались выписать. Но он прислал Питеру письмо, и я по-

казала его в клинике. Тогда они решили, что с выпиской поторопились.

— Что было в этом письме?

— Совершенно безумное письмо. Стиллмен называл сына дьяволенком, угрожал ему.

— Это письмо у вас?

— Нет. Два года назад я отдала его в полицию.

— Оригинал или копию?

— Простите, вы полагаете, что это имеет значение?

— Как знать.

— Если хотите, я могу попробовать это письмо достать.

— Насколько я понимаю, других писем такого рода не было?

— Нет, больше писем Стиллмен не писал. И вот теперь врачи считают, что он готов к выписке. Это официальная точка зрения, и поделать я ничего не могу. По-моему, Стиллмен просто сделал надлежащие выводы. Он понял, что, если и впредь будет угрожать сыну, его не выпустят никогда.

— Поэтому вы и волнуетесь.

— Именно поэтому.

— Но каковы планы Стиллмена, вам неизвестно?

— Нет.

— Чего вы ждете от меня?

— Я хочу, чтобы вы установили за Стиллменом слежку. Чтобы выяснили, что у него на уме. Чтобы помешали ему разыскать Питера.

— Иными словами, вы предлагаете мне сесть ему на хвост.

— Что-то в этом роде.

— Вы должны понять, что помешать Стиллмену подойти к вашему дому я не могу. Предупредить вас — другое дело. Или прийти вместе с ним.